

PUBLICA
VNIVERSITAS
STVDIORVM MOSCOVIAE
«LOMONOSOV»
FACULTAS IVRIDICA

ACADEMIA
SCIENTIARVM
RVSSIAE
INSTITVTVM
HISTORIAE VNIVERSALIS

OFFICIUM
PVBLICVM IVSTITIAE
FOEDERATIONIS RVSSIAE
ACADEMIA
IVRIDICA RVSSIAE

CENTRUM IVRIS ROMANI INVESTIGANDI

IVS ANTIQVVM

I (XXIX)

Moscoviae MMXIV

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
АКАДЕМИЯ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА

ДРЕВНЕЕ ПРАВО

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1 (29)

Москва 2014

УДК 34(075.8)
ББК 67.99(2)95
Д 73

Настоящий номер издается при поддержке
Университета г. Сассари, Италия

Questo volume è pubblicato con il contributo
dell'Università di Sassari, Italia

ДРЕВНЕЕ ПРАВО: научно-практический журнал. No. 1 (29). — М.: ИД
В. Ема, 2014. — 312 с.

ISSN 2309-4567

Данный том продолжает периодическое издание общероссийского научно-го журнала по римскому праву и его рецепции. Издание рассчитано на публикацию статей не только российских ученых, но и западных романистов, с тем чтобы ближе познакомить отечественных исследователей с достижениями западной романистики. Вместе с тем совместные публикации позволяют установить более тесный и плодотворный научный контакт между российскими и западными учеными. В целях ввода в научный оборот России возможно большего числа источников по римскому праву и его рецепции в каждом номере публикуются новые, ранее не переводившиеся на русский язык труды древних юристов. Приглашаем юристов и историков России и других стран присылать свои статьи, рецензии и другие материалы для публикации в нашем журнале.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.В. Бибииков, С.И. Герасимов, Я. Заблочки, А. Корбино, Ф. Сини
(зам. гл. редактора), Е.А. Суханов (председатель редакционного совета),
А.О. Чубарьян

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Л.Л. Кофанов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.В. Ауров, Е.В. Белякова, С.С. Бугрова, В.В. Дементьева, А.А. Иванов,
А.С. Карцов, А.В. Копылов, Н.А. Крашенинникова, Е.В. Ляпустина,
А.В. Марей, И.Л. Маяк, П. Ничипорук, Р. Орту, А.Д. Рудоквас, В.А. Савельев
(зам. гл. редактора), О. Сакки, М. Скрейпек, А.Л. Смышляев, И.Е. Суриков,
А.И. Солопов, К. Танев, В.Н. Токмаков, П. Тодини, В.А. Томсинов,
В.И. Уколова, Ф.Р. Фернандес де Бухан Фернандес, И.С. Филиппов,
Э.Д. Фролов, А.М. Ширвиндт

РЕДАКЦИЯ

К.В. Гнищевич, А.В. Еремин, Д.А. Литвинов, И.В. Лушникова,
А.А. Панов (отв. секретарь), Е.С. Марей, Д.Ю. Полдников,
А.В. Рудаков, С.Я. Сомова

К 1203020200-003 без объявл.
Ф 3(03)-95

© Центр изучения римского права, 2014
© «Издательский дом В. Ема», редподготовка, оформление, 2014

INDICE

СОДЕРЖАНИЕ

DIRITTO GRECO

ГРЕЧЕСКОЕ ПРАВО

Surikov I.E. (Mosca).
Le orazioni di Antifonte come
fonte di informazione del diritto
penale di Atene dell'età classica | 10 | Суриков И.Е. (Москва).
Речи Антифонта как источник
сведений об уголовном праве
Афин классической эпохи |
|---|-----------|--|

DIRITTO ROMANO

РИМСКОЕ ПРАВО

Smorčkov A.M. (Mosca).
Le consultazioni dei sacerdoti
nella sfera del diritto pubblico
della repubblica romana	38	Сморчков А.М. (Москва).
Консультации жрецов в сфере
публичного права Римской
республики
Kofanov L.L. (Mosca).
Il significato della campagna
elettorale per la carica del pretore
nell'elaborazione dell'
<i>edictum perpetuum</i>	69	Кофанов Л.Л. (Москва).
Значение избирательной
кампании на должность претора
в составлении
edictum perpetuum
Fernández de Buján
Fernández F. (Madrid).
Il processo contro Cristo	94	Фернандес де Бухан
Фернандес Ф. (Мадрид).
Процесс против Христа
Musumeci F. (Catania).
<i>Iactus mercium: lex Rhodia</i>
e regime romano	145	Музумечи Ф. (Катания).
<i>Iactus mercium: lex Rhodia</i>
и его римский режим

<p>Fernández de Buján
Fernández A. (Madrid).
<i>Ius fiscale</i>: gli strumenti della
política finanziaria e i principi
informativi del sistema
tributario romano</p>	<p>161 Фернандес де Бухан
Фернандес А. (Мадрид).
<i>Ius fiscale</i>: инструменты
финансовой политики
и принципы формирования
римской налоговой системы</p>
<p>Niczyporuk P. (Belostok).
La tutela giuridica della donna
incinta nella Roma antica</p>	<p>188 Ничипорук П. (Белосток).
Правовая защита беременной
женщины в Древнем Риме</p>

**DIRITTO ROMANO
IN ORIENTE**

- Van'kova A.B.** (Mosca).
Sul problema della natura
giuridica del monastero
tardo antico

**РИМСКОЕ ПРАВО
НА ВОСТОКЕ**

- 206** **Ванькова А.Б.** (Москва).
К вопросу о правовом
положении позднеантичного
монастыря

**DIRITTO ROMANO
IN OCCIDENTE**

- Grabar' V.E.** (Iuriev).
Il diritto romano nella storia
della dottrina del diritto
internazionale. Elementi del
diritto internazionale nei lavori
dei legisti dei sec. XII–XIV
(continuazione)

**РИМСКОЕ ПРАВО
НА ЗАПАДЕ**

- 220** **Грабарь В.Э.** (Юрьев).
Римское право в истории
международно-правовых
учений. Элементы
международного права
в трудах легистов XII–XIV вв.
(продолжение)

**DIRITTO ROMANO
E ATTUALITÀ**

Zingone L. (Roma).
Il commercio nella
rivoluzione digitale:
mutamenti del consumatore,
dell'amministrazione
e organizzazione aziendale,
nelle politiche di marketing

**РИМСКОЕ ПРАВО
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

242 Дзингоне Л. (Рим).
Рынок в эпоху цифровой
революции: изменения
потребителя, управления,
организации предприятия
и маркетинговой
политики

ATTIVITÀ SCIENTIFICA

Kofanov L.L. (Mosca),
Todini P. (Roma).
Cronaca del IX seminario
internazionale «Diritto romano
e attualità» sul tema «Vie
antiche e moderne ai commerci:
filosofia, economia e diritto.
Rodi, Roma e le loro eredità»
(Suzdal', 3–6 ottobre 2013)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

260 Кофанов Л.Л. (Москва),
Тодини П. (Рим).
Хроника IX международного
научного семинара «Римское
право и современность» на
тему «Древние и современные
дороги коммерции:
философия, экономика, право.
Родос, Рим и их наследие»
(Суздаль, 3–6 октября 2013 г.)

SUPPLEMENTO

Basilici (LIII, I–VII)
e Prologo della Legge
marittima rodiese.
Traduzione, introduzione
e commento di I.E. Surikov.
Redazione
di L.L. Kofanov (Mosca)

ПРИЛОЖЕНИЕ

279 Василики (LIII, I–VII)
и Пролог к Родосскому
морскому закону.
Перевод, введение
и комментарии И.Е. Сурикова.
Редактирование
Л.Л. Кофанова (Москва)

А.М. СМОРЧКОВ*

КОНСУЛЬТАЦИИ ЖРЕЦОВ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

На протяжении всей истории Древнего Рима при разных политических режимах религиозные идеи, институты и ритуальные практики играли важную роль в управлении римским государством. Формы, масштабы и содержание религиозного влияния менялись, но так или иначе религия способствовала стабилизации и успешному функционированию политической системы. Персонально религиозное влияние олицетворяли жрецы, как официальные, так и неофициальные. Но при изучении религиозно-политической организации Римской республики исследователь сталкивается с серьезными источниковедческими проблемами ввиду позднего характера основных источников, представленных, как правило, авторами конца Республики и эпохи Империи. К ним в полной мере относится свойственная для кризисных и переходных периодов ностальгия по славному прошлому. Подчеркивая благочестие предков как основу и причину их успехов¹, античные писатели отмечали также большую роль, которую, по их мнению, играло в прежние времена мудрое руководство со стороны жрецов². Крайнее выражение этот тезис получил уже за пределами античности в сочинении ранневизантийского автора Иоанна Лида «О магистратах» (VI в. н.э.): «Всякому известно, что те, кто прежде были жрецами, стали впоследствии магистратами римского государства»³, т.е., по его мнению, первоначально Римом правили именно жрецы. Кого кон-

* Сморгков Андрей Михайлович — доктор исторических наук, профессор РГГУ (Москва). Статья осуществлена при поддержке РГНФ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект No. 13-01-00093).

¹ *Cic. Har. Resp.* 19; *ND.* II.8; III.5; *Sall. Cat.* 12.3–4; *Liv.* XLIV.1.11; *Gell.* II.28.2; см. также наблюдения греческих (*Polyb.* III.112.9; VI.56.6–8; *Posid. ap. Athen.* VI.107; *Dionys.* II.18–19; *Plut. Marcel.* 4–5) и христианских авторов (*Tertul. Apol.* 25; *Ad nat.* II.17; *Aug. CD.* IV.8–9).

² *Cic. Div.* I.89; *Val. Max.* I.1.1.

³ *Lyd. Mag. Praef.*; ср. I.35: «ιερέας γενέσθαι τὸ πρὶν τοὺς ὑστερον ἄρχοντας τοῦ Ῥωμαίων πολιτεύματος οὐδενὶ τῶν πάντων ἠγνόηται».

кретно имел в виду Лид, трудно сказать, но, скорее всего, царей, о которых он повествует далее после этой фразы: ведь цари действительно выполняли жреческие обязанности, а на смену им пришли магистраты. Как бы то ни было, тезис о жреческом руководстве в прошлом римского государства (пусть и не в столь явном виде, как у Лида) стал одним из элементов «римского мифа»⁴, т.е. частью представлений об этом идеальном прошлом.

Однако для поздней Республики, когда жили авторы многих наших источников, о которой имели достаточно реальные представления другие писатели, жившие уже в эпоху ранней Империи, можно с уверенностью говорить о подчинении жрецов политической власти и даже о неприкрытой манипуляции религией в политических интересах. Учтем, что численность официального жречества в Риме всегда была невелика, материальная база — скудной и подконтрольной сенату, а это заметно снижало эффективность жреческого влияния на политическую жизнь. К тому же римское жречество не составляло особого сословия со своими корпоративными интересами, было раздроблено по функциям и не имело единого руководства. Влияние отдельных жрецов, жреческих коллегий и сообществ весьма отличалось и по формам, и по значимости, причем принципиально. Строго говоря, определенное политическое значение благодаря своим религиозным функциям и религиозному учению имели только коллегии авгуров и понтификов. Разногласия среди исследователей касаются лишь масштабов и эффективности их влияния на политическую власть. Вместе с коллегиями жрецов священнодействий и эпулонов понтифики и авгуры в начале Империи составляли четыре самые почетные коллегии⁵. Однако влияние жрецов священнодействий и эпулонов ограничивалось религиозными вопросами и в политическом плане было практически незаметным — особенно эпулонов, учрежденных в 196 г. до н.э. для исполнения лишь одной из понтификальных обязанностей (организации священных пиров для богов)⁶. То же самое можно сказать о фециалах, имевших, пожалуй, больше оснований, чем эпулоны, войти в высшую жреческую категорию (но см.: *Tac. Ann.* III.64). Остальные общественные жрецы, организованные в сообщества (*sodalitates*), занимались исключительно религиозными обязанностями, исполняя возложенные на них ритуалы (луперки, арвальские братья, салии,

⁴ Об авгурах см.: *Cic. Leg.* II.21, 31; III.11, 43; *Liv.* I.36.6; о понтификах см.: *Cic. Leg.* II.20, 30; *Liv.* I.20.6; *Dionys.* II.73.1–2; *Plut.* Numa. 9; *Fest.* P. 113L, 200L; *Lyd.* Mag. I.35.

⁵ Их перечисление см.: *Tac. Ann.* III.64; *Dio Cass.* LIII.1.5; ср.: *RGDA.* 9; *Suet.* Aug. 100.2; *Gell.* I.12.6.

⁶ Поэтому у ранних авторов они не входят в этот престижный список (*Varro ap. Aug.* CD. VI.3; *Cic. Har. Resp.* 18; *Leg.* II.20, 30–31; *ND.* III.5).

sodales Titii), равно как и связанные с коллегией понтификов три старших и 12 младших фламинов (жрецов отдельных богов), царь священнодействий и весталки.

Тем не менее представления о важной роли жречества в римской Республике возникли не на пустом месте. Вопрос заключается в характере жреческого влияния, который во многом определялся тем, в каких формах и какими путями осуществлялось участие жрецов в управлении Республикой и в развитии публичного права. Наиболее эффективным средством являлись консультации жрецов, предоставляемые магистратам и сенату по вопросам, лежавшим в сфере жреческой компетенции⁷. Собственно, такую деятельность осуществляли четыре жреческие коллегии: авгуров, понтификов, жрецов священнодействий и фециалов. В ней можно выделить три направления. Прежде всего, к жрецам обращались в случае протидий, т.е. знаков божественного гнева, которые свидетельствовали о нарушении римской общиной «мира с богами» (*pax deorum*) — краеугольного камня римских религиозных представлений. Далее следуют консультации жрецов в сфере своей компетенции в ответ на различные запросы сената и магистратов. И сюда же относится консультационная деятельность жрецов, когда они помогали магистратам при совершении тех или иных действий, связанных с религией (проведения ауспий, посвящения храмов, принятия обетов и т.д.).

О протидиях и их искуплении ради восстановления мира с богами источники сообщают довольно подробно в силу влияния протидий на политическую жизнь и на общество в целом. Знамения могли помешать осуществлению того или иного предприятия, ибо означали несогласие богов и даже порой препятствовали нормальному течению политической жизни⁸. Поиски причин гнева богов были чреваты политическими процессами⁹. Наконец, наибольшее количество знамений, естественно, появлялось в периоды крупных бедствий или их ожидания¹⁰, что негативно действовало на умы сограждан, ослабляя их волю и способствуя распространению панических настроений, а это угрожало самому существованию общества. Отсюда ясны причины пристального внимания к этой

⁷ См., в частности: *Szemer G.J.* The Priests of the Roman Republic. A Study of Interactions Between Priesthoods and Magistracies. Bruxelles, 1972. P. 34–36.

⁸ В 193 г. до н.э. потребовалось даже специальное ограничение решением сената на известия о землетрясениях (*Liv.* XXXIV.55.1–4).

⁹ Можно вспомнить один из эпизодов противостояния Клодия и Цицерона, отраженный в речи последнего «Об ответе гаруспиков».

¹⁰ Яркий пример — начало II Пунической войны (*Liv.* XXI.62.1–5; XXII.1.8–13). Общую формулировку см.: *Cic.* Div. II.58.

части сакральной сферы со стороны сената и магистратов, их активного участия в искупительных священнодействиях.

Обращает на себя внимание, что докладывали о случившихся знамениях не жрецам, а сенату¹¹. Соответственно, именно он выбирал, принимать эти сообщения во внимание или нет (*prodigium suscipere*)¹², самому решить вопрос¹³ или обратиться за советом к жрецам и к каким именно. Причем в случае особо грозных и необычных знамений обращались за помощью даже к представителям других религиозных систем, а именно к этруским жрецам-гаруспикам¹⁴ или к дельфийскому оракулу¹⁵.

Но главную роль при искуплении знамений играли римские жрецы-понтифики, которым, согласно традиции, еще Нумой было вменено в обязанность разяснять, какие проdigии принимать в расчет, и осуществлять соответствующие мероприятия (*Liv.* I.20.7). Компетенция понтификов была весьма широка, распространяясь на самые разные ошибки в многочисленных римских публичных обрядах и ритуалах. Кто из богов посылает знаки своего гнева, а также необходимые искупительные жертвы понтифики определяли в своем декрете¹⁶. Правда, в отличие от многочисленных и ясных указаний на приказ сената гаруспикам или жрецам священнодействий по поводу проdigий, касательно понтификов есть только одно недвусмысленное свидетельство получения их главой приказа от сената (в данном случае — наряду с децемвирами священнодействий и консулом): «Г. Сервилий, верховный понтифик, получил приказ изыскать средства умиловить гнев богов» (180 г. до н.э.)¹⁷. Правилom же является нейтральная фраза типа «prodigии сообщены, по декрету

¹¹ Прямые указания: *Liv.* V.15.8, 12; XXII.1.14; XLII.20.1; XLV.16.5; *Dionys.* XII.12.1. Несомненно, и в других сообщениях Ливия, как правило, относившихся к началу административного года, где перечисляются проdigии и меры по их искуплению, эти вопросы рассматривались именно сенатом. См., например, два последовательных сообщения Ливия (XXI.62.6 и XXII.1.14–16). В первом упомянуты приказ жрецам священнодействий и решение о проведении священнодействия без указания того, кто отдал приказ и принял решение. Зато во втором то же самое прямо отнесено к сенату.

¹² Например, не признавались относящимися к римскому государству те знамения, которые происходили на частной или неримской земле (*Liv.* XLIII.13.6).

¹³ *Liv.* XXII.1.14–15 (ср. 16); XXVIII.11.5; XXXII.1.13 (ср. 14); XL.19.4; 37.2.

¹⁴ *Liv.* V.15.1; XXIV.10.13; XXVII.37.6, 8; XXXII.1.14; XLII.20.2; *Cic.* Div. I. 97 (общее указание); ND. II.10; *App.* BC. IV.4.

¹⁵ *Liv.* V.15.2–3; 16.1, 8–11; XXII.57.5; *Dionys.* XII.10.2; 12.2–3; *Plut.* Camil. 4; Fab. 18.

¹⁶ *Liv.* XXIV.44.9; XXVII.4.15; 37.4; XXX.2.13; XXXIV.45.8; XXXIX.22.4; XL.37.2; XLI.16.6; *Gell.* II.28.3.

¹⁷ *Liv.* XL.37.2: «C. Servilius pontifex maximus piacula irae deum conquerere iussus».

понтификов искуплены» («*prodigia nuntiata... ex decreto pontificum procurata*»). Но вряд ли из этого можно сделать вывод о сообщении пророчеств непосредственно в коллегию понтификов. Показательный случай зафиксирован в 99 г. до н.э., когда самопроизвольно сдвинулись копыта Марса в святилище Регины, которая являлась официальным местом пребывания верховного понтифика. Само собой, первыми узнали о знамении понтики, но и тогда один из них, Г. Юлий Страбон, сообщил о знамении в сенат, а уже тот принял решение об искупительных жертвах, поручив их консулу (*Gell.* IV.6.2).

В особых обстоятельствах, когда обычные меры не помогали или проявления гнева богов были особенно грозными и многочисленными, римляне прибегали к Сивиллиным оракулам¹⁸, отражавшим греческую ритуальную практику. Читали эти книги жрецы священнодействий, для которых поиск искупительных мер при знамениях являлся основной сферой деятельности. Обращаться к оракулам они могли исключительно по приказу сената, что постоянно подчеркивалось античными авторами¹⁹. В Сивиллинных оракулах искали прежде всего не предсказания будущего, хотя в некоторой степени и это присутствовало²⁰, а способы умиротворить богов и искупить преступления (на которые указывали знамения)²¹. Жрецы священнодействий сообщали их сенату (см., например: *Liv.* XXII.9.9; XXV.12.11–12), причем зачастую средства достижения мира с богами были неординарными, как и породившие их обстоятельства, чуждыми римской культовой практике. Сенат не вмешивался в интерпретацию оракула, тем самым давая возможность жрецам использовать свое право в определенных интересах. Однако примеры такого использования оракулов весьма редки и неоспорны (в частности, в патрицианско-плебейской борьбе (*Liv.* III.10.7) или в интересах Цезаря²²).

¹⁸ Анализ см.: *Radke G.* Quindecimviri // RE. Halbbd. 47. Stuttgart, 1963. Sp. 1118–1122; *Orlin E.M.* Temples, Religion and Politics in the Roman Republic. Leiden; NY; Köln, 1997. P. 85–88.

¹⁹ *Cic.* Div. I.97 (общее указание); II.112; *Dionys.* IV.62.5; *Liv.* V.13.5–6; 50.1–2; VII.27.1; XXI.62.6; XXII.1.14–16; 9.7–8; 36.6; 57.4; XXV.12.11; XXXI.12.9; XXXIV.55.2–3; XXXV.9.5; XXXVI.37.4; XL.19.4; 37.2; XLI.21.10; XLII.20.2; XLV.16.5–6; *Lact.* Inst. I.6.13; *Macr.* Sat. I.6.13; 17.29.

²⁰ *Cic.* Div. I.98; *Liv.* III.10.7; XXXVIII.45.3; *Dionys.* X.2.5; см. также сн. 22; против: *Radke G.* Op. cit. Sp. 1121, 1126.

²¹ *Varro.* RR. I.1.3; *Liv.* V.50.2; XXI.62.6–11; XXII.1.16–20; 9.9–10; 36.9; 57.4, 6; XXV.12.11–15; XXXI.12.9–10; XXXIV.55.3–4; XXXV.9.5; XXXVI.37.4–5; XL.19.5; 37.2–3; XLI.21.10–11; XLII.2.6–7; 20.3; XLIII.13.7–8; XLV.16.6; SHA. Aurel. 18.5; см.: *Radke G.* Op. cit. Sp. 1126–1127.

²² *Cic.* Div. II.110; *Suet.* Iul. 79.4; *Plut.* Caes. 60; *Dio Cass.* XLIV.15.3–4; *App.* BC. II.110; о сомнениях в подлинности этих оракулов см.: *Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. 2. Aufl. München, 1912. S. 537 (Anm. 4); другие возможные примеры см.: *Ibid.* S. 540 (Anm. 2).

В рассмотренных случаях обращения к жрецам по поводу разного рода знамений следует отметить весьма важное обстоятельство: решение жрецы выносили исключительно по запросу политической власти, как правило, сената. И тот же сенат на основе их авторитетного мнения приказывал осуществить рекомендованные священнодействия. Его ключевая роль определялась также тем, что эти мероприятия требовали расходов.

Что касается авгуров, то они практически не упоминаются среди жрецов, к которым обращались за консультациями по поводу продигий. Возможно, это имело место в 223 г. до н.э., как следует из рассказа Плутарха (Marcel. 4) об обстоятельствах отказа от должности консулов этого года Г. Фламиния и П. Фурия. А именно сначала Плутарх сообщает о двух продигиях (река потекла кровью и появилось три луны), случившихся после отъезда консулов на войну против инсумбров, а также о заявлении авгуров, что провозглашение избранных консулов состоялось при неблагоприятных и зловещих для них знаках. После этого сенат отправил письмо консулам в провинцию, где они вели военные действия, с призывом отказаться от должности. Вполне резонно предположить, что упомянутые продигии послужили поводом обращения к авгурам, которые вынесли свое суждение, послужившее основой для письма сената (политическую подоплеку событий можно здесь оставить в стороне). О неблагоприятных ауспациях упоминают также Ливий (XXI.63.7) и Зонара (VIII.20). Последний добавляет рассказ о пяти знамениях, перечислив и те, которые назвал Плутарх. Обстоятельства произошедшего не вполне ясны, поскольку о признании консулов огрешно избранными и об их отказе от должности сообщают только нарративные источники (Ливий, Плутарх, Зонара), но в фастах это не отмечено. И хотя прямо решение авгуров называет только Плутарх (Marcel. 4), молчание Ливия и Зонары вовсе не свидетельствует об его отсутствии, ведь определение огрешности, т.е. нарушения учения об ауспациях, было прерогативой именно авгуров.

Можно вспомнить также упомянутый Цицероном аграрный закон (плебисцит) плебейского трибуна Секста Тиция (99 г. до н.э.) — единственный, по поводу которого известен декрет авгуров (Cic. Leg. II.31). Не исключено, что поводом — причины явно были политические — обращения к жрецам могло послужить знамение: два дерущихся ворона в небе над народной сходкой (Obseq. 46). Однако Обсеквент сообщает о заявлении гаруспиков о необходимости отказаться от принятия закона, а Цицерон — о решении авгуров по поводу уже состоявшегося утверждения. Возможно, в событиях участвовали и гаруспики, и авгуры, как в истории с ошибкой консула-авгура Тиб. Гракха (163 г. до н.э.), но роль тех и других остается неясной.

Упомянутая история весьма показательна²³. Речь идет об отказе от власти консулов 162 г. до н.э. П. Корнелия Сципиона Назики и Г. Марция Фигула²⁴. Консул предыдущего года Тиб. Семпроний Гракх, сам являвшийся авгуром, при проведении ауспий перед электоральными комициями совершил ошибку (*vitium*) из области авгурального права, которую не заметил²⁵. Во время выборов случилось неблагоприятное знамение: неожиданно умер сборщик голосов в первой центурии. Об этом Гракх по завершении комиций доложил сенату (*Cic. ND. II.10*). Таким образом, консул и авгур Тиб. Гракх по несомненно религиозному вопросу обратился именно в сенат, а не к жрецам. Сенат, согласно наиболее подробному рассказу Цицерона, постановил доложить вопрос тем, «к кому обычно» (*quos ad solet*)²⁶ обращались. Но таковыми оказались не авгуры, как ожидалось бы, а гаруспики — этрусские гадатели. Это представляется на первый взгляд странным, поскольку ауспии магистратов являлись собственно римским религиозным институтом и вопросы, связанные с ними, относились к компетенции авгуров, на что обратил внимание Цицерон (*Div. II.75*): «Ведь что могли знать этруски-гаруспики или о правильной установке (авгурской) палатки, или о праве померия?» В его рассказе данное обстоятельство вызвало своеобразную «патриотическую» реакцию Тиб. Гракха: в ответ на заявление гаруспиков о неправомерности (*non iustus*) магистрата, проводившего выборы, Тиб. Гракх высказал сомнение в их праве толковать ауспии римского народа, обругал варварами и прогнал из сената (*Cic. ND. II.10–11*). Видимо, слова «к кому обычно» подразумевали дополнение «обращались в случае необычного знамения». Ведь именно в таких случаях прибегали к помощи гаруспиков²⁷. В своих «законах касательно религии» (*leges de religione*) Цицерон отнес к компетенции авгуров «*signa et auspicia*» (*Cic. Leg. II.20*), а к компетенции гаруспиков — «*prodigia et portenta*» (*ibid. 21*)²⁸. Последние термины обозначают необыч-

²³ Подробный анализ с соответствующей историографией см.: *Сморчков А.М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012. С. 247–251.

²⁴ *Cic. ND. II.10–11; Div. I.33; II.74–75; Ad Q. fr. II.2.1; Val. Max. I.1.3 (cp. IX.3.2); Plut. Marcel. 5; Ampel. XIX.11; De vir. ill. XLIV.2; Fast. Capit. 592 a.u.c. (CIL. I. Ed. 2. P. 25).*

²⁵ *Cic. ND. II.11; Div. I.33; II.75; Val. Max. I.1.3; Plut. Marcel. 5; cp.: Serv. Ad Aen. II.178.*

²⁶ Согласно Х. Рэкхему, переводчику сочинения Цицерона «О природе богов» в серии «Loeb Classical Library», эти слова являются цитатой (видимо, из постановления сената) (*Cicero. De natura deorum. Academica. Cambr. (Mass.); L., 1979. P. 132–133.*

²⁷ См. сн. 14; см., кроме того: *Cic. Catil. III.19; Har. Resp. 9–10 (gravissimum ostentum), 18, 20–22; Liv. I.55.5–6 (cp.: Plin. NH. XXVIII.15); XXV.16.1–4; XXVII.37.5–8; XXXV.21.4–5; XXXVI.37.2; XL.2.1–3; XLI.13.2–3; Varro. LL. V.148; Lucan. Phars. I.522–638.*

²⁸ Cp.: *Cic. Har. Resp. 18 (portentorum explanationes Etruscorum disciplina contineri); Div. I.3, 92; Liv. I.56.5; V.15.1; Val. Max. I.1.1.*

ные, чудесные явления, к которым, по всей видимости, отнесли неожиданную смерть сборщика голосов прямо во время сообщения о результатах голосования. Какую именно ошибку он совершил, Тиб. Гракх нашел в священных книгах после своего отъезда в провинцию в качестве проконсула. О ней он написал в коллегию авгуров, а та доложила сенату (*rem ad senatum retulit*²⁹), который повелел огрешно избранным консулам отказаться от должности, что они и сделали. Как можно заметить, участие авгуров в событиях не было обусловлено случившимся знамением.

Складывается впечатление, что авгуры вообще не имели никакого отношения к знамениям и все рассмотренные случаи следует отнести ко второму направлению консультационной деятельности жрецов. Показательный пример – отказ от консульской должности сразу же после выборов М. Клавдия Марцелла в 215 г. до н.э. При вступлении его в должность прогремел гром, по поводу чего были приглашены (*vocati*) авгуры, решившие, что Марцелл «избран огрешно» (*vitio creatus*)³⁰. Гром при ясном небе относился не к продигиям, а к так называемым облативным (неиспрошенным) ауспициям, другими словами, к компетенции авгуров. По мнению сенаторов (в изложении Ливия), богам было неудобно, что оба консула оказались из плебеев. Ранее такого не случалось, так что Ливием передана, видимо, действительно имевшая место версия, основанная на отсутствии прецедента.

Второе направление консультационной деятельности жрецов, уже затронутое в связи с авгурами, связано с их учениями, на основе которых они давали ответы в случае обращения по различным религиозным вопросам, в том числе имеющим отношение к политической деятельности (*Cic. Leg. II.20*). авгуры занимали особое место в республиканской системе в силу важного религиозного и политического значения ауспиций (птицегаданий), т.е. магистратского права выяснять волю богов (собственно говоря, Юпитера), гадая по птицам. Некоторые исследователи считают даже, что первоначально магистратскую власть определял именно термин «*auspicium*»³¹. Учение об ауспициях разрабатывалось авгурами, которые тем самым имели прямое отношение к важнейшим государственным актам. Тесная связь авгурского учения с римской политической системой наглядно видна в отсылках к решениям и учению авгуров при рассмотре-

²⁹ *Cic. ND. II.11; Val. Max. I.1.3.*

³⁰ *Liv. XXIII.31.13 (cp. XXVII.22.1); Plut. Marcel. 12.*

³¹ *Bleicken J.* Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: *auspicium* – *potestas* – *imperium* // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse.* 1981. Heft 9. S. 262, 267, 276, 292, 294; *Heuss A.* Op. cit. S. 380, 412–413; *Rüpke J.* *Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* Stuttgart, 1990. S. 44–45.

нии, казалось бы, чисто политических вопросов, например кто такой *praetor maximus* (*Fest.* P. 152L) или что понимать под *magistratus minores* (*Gell.* XIII.15). В последнем случае Авл Геллий приводит обширную цитату из сочинения авгура М. Валерия Мессалы (I в. до н.э.) «Об ауспигиях», где в соответствии с правом на ауспигии рассматривается соотношение полномочий различных магистратов. На ту же тему — кто такие *consul maior* и *praetor maior* — рассуждал авгур (и консул 64 г. до н.э.) Л. Юлий Цезарь (*Fest.* P. 154L). Именно в авгурских книгах сохранилось первоначальное обозначение диктатора как *magister populi*³². А когда в 426 г. до н.э. возникли религиозные сомнения, могут ли консулярные трибуны назначать диктатора, то обратились к авгурам (*augures consulti*), и те развеяли опасения (*Liv.* IV.31.4). О политической значимости авгурского учения говорят и апелляция к авгурским книгам в подспудной дискуссии Цицерона с Цезарем (март 49 г. до н.э.), который планировал, вопреки традиции, стать диктатором через претора, и настойчивое желание Цезаря добиться соответствующего постановления сената и декрета авгурской коллегии³³. Декрет авгуров требовался для цензоров в случае переноса на более ранний срок объявленной ими даты церемонии *lustrum* (*Fest.* P. 366L)³⁴, а возможно, и для комиций, происходивших при ауспигиях³⁵. Явно исходя из своего учения, те же авгуры в конце 48 г. до н.э. высказали протест по поводу назначения Антония начальником конницы на срок сверх законных шести месяцев (*Dio Cass.* XLII.21.1) — пусть это выглядело смешно и неуместно ввиду одновременного назначения Цезаря диктатором на годичный срок (*ibid.* 2).

Наиболее наглядно консультационная деятельность авгуров представлена в рассказе Цицерона об одном эпизоде из бурной деятельности плебейского трибуна П. Клодия (58 г. до н.э.). Тот пытался отменить мероприятия Цезаря, осуществленные в предыдущем году в бытность того консулом, под предлогом, что они были проведены «вопреки ауспигиям». При этом Клодий вызвал на народную сходку (*contio*) авгуров, где задал им вопрос касательно авгурального права как такового, а не его применения в конкретной ситуации: «...авгуры ответили, что во время

³² *Cic. Rep.* I.63; *Sen. Ep.* CVIII.31 (цитирует указанную работу Цицерона: *Ibid.* 30).

³³ *Cic. Ad Att.* IX.15.2 (сп. 9.3); ср.: *Gell.* XIII.15.4.

³⁴ Анализ ситуации прежде всего с точки зрения авгурального права см.: *Linderski J.* The Augural Law // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung.* Abt. II: Principat. Bd. 16. Teilbd. 3. Berlin; NY, 1986. P. 2186–2190.

³⁵ *Ibid.* P. 2189–2190.

наблюдения за небесными знамениями нельзя вносить предложения народу на голосование»³⁶. Вывод, что данное правило имеет отношение к интересующему его вопросу, Клодий сделал сам, используя знания и авторитет авгуров. Как заметил здесь же Цицерон, спрашивать авгуров на конциях было обычной практикой (*Cic. Dom.* 39).

Авгуры были тесно связаны с важнейшим для гражданской общины органом власти — народным собранием. Ведь все виды народных собраний, за исключением трибутных *concilia plebis*³⁷, созданных плебейскими трибунами, происходили *auspicato*, т.е. при обязательном предварительном совершении ауспиций, — как центуриатные³⁸, так и трибутные под председательством высшего магистрата³⁹. Но и к трибутным *concilia plebis* могло быть применено авгурское учение. Цицерон упоминает внесенные плебейскими трибунами и одобренные плебисциты, которые были отменены с участием авгуров: аграрный закон Секста Тиция (99 г. до н.э.) и знаменитые законы М. Ливия Друза (91 г. до н.э.)⁴⁰. Показательно, что Гай Марий, как сообщает Аппиан, предлагал сенату дать согласие на законопроект плебейского трибуна Апулея Сатурнина (100 г. до н.э.), а затем, когда его сторонники разойдутся, отменить принятый закон, как принятый насильственно и при неблагоприятном знамении в виде грома (*App. BC.* I.30). Поскольку созываемые плебейским трибуном трибутные собрания проводились без магистратских ауспиций (так называемых импетративных), речь шла о неиспрошенных знаках божественной воли (так называемых облативных ауспициях). К законам же, внесенным консулами, относились оба вида ауспиций. Выше упоминалось, как Клодий пытался отменить через сенат все мероприятия консула Цезаря под тем предлогом, что они были проведены «вопреки ауспициям»⁴¹. Позже в «Филиппиках» Цицерон говорил о законах, внесенных консулом М. Антонием *per vim et contra auspicia (vitiose)*⁴², отмененных сенатом на этом основании (*Cic. Phil.* XII.12; XIII.5).

³⁶ *Cic. Dom.* 40: «...tu augures produxisti, te interrogante augures responderunt, cum de caelo servatum sit, cum populo agi non posse...»; см. также: *Cic. Har. Resp.* 48.

³⁷ *Liv.* VI.41.5; VII.6.11; *Dionys.* IX.41.3; 49.5; X.4.3.

³⁸ *Liv.* III.20.6; V.14.4; 52.15–16; VI.41.6, 10; *Dionys.* VII.59.2; ср.: *Gell.* XIII.15.4, 6; *Cic. ND.* II.10–11; *Mur.* 1.

³⁹ *Cic. Ad fam.* VII.30.1; *Varro. RR.* III.2.1–2; 7.1.

⁴⁰ *Cic. Leg.* II.31; *Ascon. Pro Cornelio.* P. 61.

⁴¹ *Cic. Dom.* 40; *Har. Resp.* 48.

⁴² *Cic. Phil.* III.9; V.7–10; VI.3; XII.12; XIII.5.

Также известны случаи отказа от должности избранных магистратов после вмешательства авгуров⁴³. Выше уже были рассмотрены некоторые показательные примеры. Здесь употреблялась особая формула *magistratus vitio creatus*⁴⁴: «vitium» («огрешность») — термин, обозначавший как ошибку при совершении или толковании ауспиций, так и пренебрежение ими, что делало весь акт недействительным. Наличие огрешности устанавливала коллегия авгуров, которая давала оценку уже состоявшемуся событию. Можно уверенно предполагать участие авгуров в каждом случае, когда употреблялась эта формула, хотя прямо об их участии источники сообщают далеко не всегда, видимо, в силу однозначности и понятности ситуации. Например, Ливий, наш основной источник, решения авгуров по этому вопросу упоминает лишь в пяти случаях⁴⁵.

Ауспиции проводились также перед заседанием сената⁴⁶. Известен один эпизод, когда и здесь потребовались консультации авгуров (43 г. до н.э.). Цицерон сообщает в письме проконсулу Трансальпийской Галлии Л. Мунацию Планку о том, как городской претор М. Корнут зачитал в сенате донесение этого Планка: «После оглашения письма у Корнута возникли религиозные препятствия вследствие указания пуллариев, что он недостаточно тщательно совершил ауспиции, и это было подтверждено нашей коллегией [авгурской. — А.С.]; поэтому дело отложили на следующий (день)»⁴⁷. Пулларии являлись помощниками магистратов при совершении ауспиций, и именно они объявляли магистратам о данных богами знаках⁴⁸. Подчиненное, можно сказать, техническое, положение пуллариев при осуществлении ауспиций заметно в том обстоятельстве, что их указание по поводу ауспиций потребовало подтверждения со стороны авгурской

⁴³ Впрочем, происходило это довольно редко. За 460 лет республиканской истории (до диктатуры Юлия Цезаря) известно максимум пять случаев сложения полномочий огрешно избранными консулами, причем уверенно это можно утверждать лишь для двух случаев, где имеются четкие свидетельства нарративных источников и фаст. Семь раз отказывались от власти огрешно избранные диктаторы.

⁴⁴ *Liv.* IV.7.3; V.17.2; VI.27.5; 38.9; VIII.15.6; 17.4; 23.14, 16; IX.7.14; X.47.1; XXII.33.12; 34.10; XXIII.31.13; XXVII.22.1; XXX.39.8; *Cic.* ND. II.11; *Div.* II.74; *Phil.* II.84; III.9; V.9; *Cato ap. Gell.* XIII.18.1; ср. у греческих писателей: *Dionys.* XI.62.1; *Plut.* Marcel. 4, 5; *Dio Cass.* LIV.24.1; *Zon.* VIII.20.

⁴⁵ *Liv.* IV.7.3; VIII.15.6; 23.14, 16; XXII.33.11–12; 34.3, 10; XXIII.31.13; ср. сн. 44.

⁴⁶ *Gell.* XIV.7.7, 9; *Serv.* Ad Aen. I.446; *App.* BC. II.116; ср.: *Cic.* Ad fam. X.12.3.

⁴⁷ *Cic.* Ad Fam. X.12.3: «Recitatis litteris oblata religio Cornuto est pullariorum admonitu non satis diligenter eum auspiciis operam dedisse; idque a nostro collegio comprobatum est. Itaque res dilata est in posterum».

⁴⁸ Наиболее подробное описание см.: *Cic.* Div. II.74 (ср. 71–73); *Liv.* X.40.4, 9–14; *Dionys.* II.6.2.

коллегии. По чьей инициативе коллегия авгуров объявила свое мнение, здесь неясно, но, исходя из вышеизложенного, скорее всего, следует предполагать запрос претора, усомнившегося в словах пуллариев.

Консультации авгуров могли потребоваться для оценки религиозной правомерности самых разных магистратских актов, ибо не только перед народным собранием или заседанием сената, но и перед всяким важным делом магистраты должны были совершать ауспиции. Например, когда в 168 г. до н.э. консул Г. Лициний Красс вступил на священный участок (*templum*) для объявления о сборе войск, забыв совершить ауспиции⁴⁹, по этому поводу было доложено авгурам, и те объявили, что день назначен огрешно (*Liv. XLV.12.10*). В связи с их решением легионы остались в Риме, не приняв участия в боевых действиях (*Ibid. 11–12*). Авгуры, как и в других случаях, дали свою оценку уже состоявшемуся событию. При консуле в тот момент явно не было ни одного авгура, который мог бы указать на ошибку еще во время самой процедуры и тем самым просто отложить объявление дня сбора войск, что, несомненно, для консула было бы выгоднее: проведя на следующий день ауспиции надлежащим образом, он получил бы право вывести свои войска. Кто при этом доложил авгурам, не указано: Ливий употребил безличное выражение «*ad augures relatum est*». Все же оно подразумевает некую постороннюю силу, по всей видимости, сенат, который обычно действовал в подобных ситуациях.

Также ни одного авгура не было при консулах Кв. Петилии и Г. Валерии в 176 г. до н.э., когда они проводили жеребьевку по поводу распределения театров военных действий (*Liv. XLI.18.7–8*). Позднее (*postea*) авгуры обнаружили ошибку (*vitium*), допущенную Кв. Петилием при жеребьевке (*Ibid. 8*). Дело в том, что Кв. Петилий вскоре погиб (*Ibid. 9–11*). Это уже могло побудить обратить внимание на религиозную сторону его действий. К тому же его пулларий после гибели консула заявил, что при ауспициях была допущена огрешность (*vitium*) и консул не был в неведении (*Ibid. 14*). Названные обстоятельства заставили обратиться за консультацией в коллегию авгуров, и те дали ответ (*responderunt*) на запрос, предположительно, сената. Все это произошло уже после гибели Кв. Петилия, а в момент жеребьевки при нем был лишь помощник при ауспициях (пулларий), а не авторитетный специалист (авгур), чьим мнением консулу трудно было бы пренебречь. И, видимо, те же авгуры (*periti religionum iurisque*

⁴⁹ «Non auspicato» (*Liv. XLV.12.10*). Это выражение встречается, кажется, только здесь. В принципе, оно может обозначать как отсутствие ауспикиации, так и неблагоприятные ауспиции, оставленные без внимания. Параллелью является термин «*inauspicato*»: если в упомянутом выше случае с Тиб. Гракхом (*Cic. Div. I.33*) этот термин однозначно обозначает отсутствие ауспикиации (ср.: *Cic. ND. II.11*: «*auspicari oblitus est*»), то в случае с Г. Фламинием — неблагоприятные ауспиции при его избрании консулом (*Liv. XXI.63.7; Val. Max. I.6.6*).

publici)⁵⁰, основываясь на своем учении, отрицали, что оставшийся консул, являвшийся доизбранным (суффектом), может в таких условиях провести комиции (по всей видимости, электоральные) надлежащим образом (recte: *Liv.* XLI.18.16)⁵¹. И здесь явно подразумевается запрос в коллегия, на который авгуры дали отрицательный ответ (*negabant*).

Хорошо заметно, что коллегия авгуров, несмотря на важное политическое значение своего учения, объявляла те или иные акты огрешными не по собственной инициативе, а в ответ на поставленный вопрос. Об этом же свидетельствуют термины, употребляемые в сообщениях о консультациях с авгурами: «*consulti augures*» (*Liv.* IV.31.4; VIII.23.14); «*vocati augures*» (*Ibid.* XXIII.31.13); «*ad augures relatum est*» (*Ibid.* XLV.12.10); «*augures responderunt*» (*Ibid.* XLI.18.8; *Cic. Dom.* 40). В ряде случаев терминология Ливия нейтральна и не поясняет, кому принадлежала инициатива при вынесении авгурского решения: «*augures dixissent*» (*Liv.* VIII.15.6); «*vitiosus... per augures fieret*» (*Ibid.* XXII.34.10). Однако у Цицерона глагол «*dicebant*» употреблен именно для ответа авгуров (*Cic. Nar. Resp.* 48). Встречаются также «*decernere*»⁵² и «*pronuntiare*»⁵³, которые не несут информации об инициаторе ответа авгуров. Из них техническое значение, по-видимому, имели глаголы «*decernere*» и «*respondere*» — соответственно двум видам авгурских решений (*decreta* и *responsa*)⁵⁴.

Важную роль и в этой консультационной области играли понтифики. Их компетенция распространялась на иную сферу, чем авгуров, и была весьма обширна и разнообразна. Прежде всего понтифики давали консультации по поводу обрядов и ритуалов: «И все прочие общественные и частные священнодействия он [Нума Помпилий. — А.С.] подчинил решениям понтифика, чтобы народу было к кому обратиться за советом и в божественном праве ничто не поколебалось от пренебрежения отеческими обрядами и усвоения чужеземных»⁵⁵. В связи с этим понтифики сохраняли правовую традицию и разрабатывали юридическую тео-

⁵⁰ *Linderski J.* Op. cit. P. 2184 (fn. 139).

⁵¹ Анализ ситуации с соответствующей историографией см.: *Сморчков А.М.* Указ. соч. С. 89–106.

⁵² *Liv.* IV.7.3; XLV.12.10; *Cic. Leg.* II.31; *Div.* II.73; *Vatin.* 20; *Fest.* P. 152L, s. v. *Maximum praetorem*.

⁵³ *Liv.* VIII.23.14; XXIII.31.13.

⁵⁴ Их анализ с соответствующей историографией см.: *Linderski J.* Op. cit. P. 2154–2159.

⁵⁵ *Liv.* I. 20. 6: «*Cetera quoque omnia publica privataque sacra pontificis scitis subiecit, ut esset, quo consultum plebes veniret, ne quid divini iuris neglegendo patrios ritus peregrinosque adsciscendo turbaretur*»; см. также: *Cic. Leg.* II.20; *Dionys.* II.73.1–3; *Plut.* Numa. 9; *Fest.* P. 113L, 200L.

рию, в первую очередь касательно нарушений сакрального права и правил искупления таких нарушений⁵⁶. Интересно сообщение Помпония (D. I.2.2.6), что ежегодно из их коллегии выбирался один представитель для ведения частных дел и почти 100 лет⁵⁷ народ придерживался этого обычая. Автором первого систематизированного труда «Ius civile» (D. I.2.2.41) был верховный понтифик Кв. Муций Сцевола (140–82 гг. до н.э.). Различая в гражданском праве умышленное и неумышленное преступление (D. IX.2.31), точно такое же различие он проводил и в сакральной области между умышленным и неумышленным нарушением религиозных требований, в том числе в судебной деятельности претора (первое считалось неискупимым, а неумышленное искупалось жертвоприношением)⁵⁸. Помощь в искуплении религиозного нарушения могли оказать сами понтифики — «общественные жрецы» у Цицерона (Leg. II.37; ср. 20). И когда в конце 62 г. до н.э. знаменитый П. Клодий проник на тайные женские священнодействия в честь богини Bona Dea, сенат постановил обратиться за консультацией именно к понтификам (ad pontifices res relata). В ответ на запрос понтифики решили, что имело место нечестие (nefas: Cic. Ad Att. I.13.3), а священнодействия надо повторить, поскольку они осуществлены недолжным образом (ὀὐχ ὀσίως: Dio Cass. XXXVII.46.1).

Занятия правом (и не только божественным) продолжали оставаться в сфере традиционных интересов понтификов⁵⁹, невзирая на потерю ими своего исключительного положения в этой области после учреждения претуры в 366 г. до н.э. и после обнародования Гн. Флавием в 304 г. до н.э. исковых формул (legis actiones), разработанных и хранившихся понтификами⁶⁰. Это касается и частного, и публичного права. Ведь понтифики были тесно связаны с так называемыми калатными комициями

⁵⁶ В частности, они определяли круг работ, разрешенных в праздничные дни (Serv. Ad Georg. I.268; 270; Macr. Sat. I.16.10–12; III.3.10–12; ср.: Liv. I.20.5; Verg. Georg. I.268–272; Cato. RR. 138; Colum. RR. II.21.2–5).

⁵⁷ По всей видимости, от издания Законов XII таблиц до учреждения претуры (Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd. 3. Leipzig, 1878. S. 305 (Anm. 2)). Подробный анализ этого сообщения Помпония см.: Кофанов Л.Л. Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. С. 458–461.

⁵⁸ Varro. LL. VI.30; Cic. Leg. II.22; 37; Macr. Sat. I.16.10.

⁵⁹ См. показательное замечание Цицерона (Leg. II.47); см. также: Ibid. 48–53; Brut. 156; De or. III.134.

⁶⁰ Liv. IX.46.5; Cic. De or. I.193 (ср. 186); Ad Att. VI.1.8; D. I.2.2.6–7; Val. Max. II.5.2. Возможно, впрочем, публикация исковых формул серьезно не повлияла на положение и роль понтификов (Valgaeren J.H. The Jurisdiction of the Pontiffs at the End of the Fourth Century BC // Law and Religion in the Roman Republic / Ed. by O. Tellegen-Couperus. Leiden; Boston, 2012. P. 28–29, 113–114).

(куриатными или центуриатными), компетенция которых (усыновление, утверждение завещаний и жреческая инаугурация⁶¹) относилась к области публичного сакрального права⁶². Об этом, собственно, свидетельствует уже само утверждение соответствующих решений на народном собрании по образцу законодательной процедуры (*rogatio*).

Довольно подробно известна роль понтификов при усыновлении (*аррогации*): они должны были выяснить побудительные причины усыновления для обеих сторон, принять во внимание род и достоинство каждого, а также последствия этого акта для родовых священнодействий⁶³ (ведь усыновляемый отказывался от обрядов своего рода⁶⁴). Кроме того, они обсуждали возраст усыновителя, а именно не может ли он еще сам породить детей, и имущественное положение усыновляемого во избежание злоупотреблений и коварных замыслов⁶⁵. Таким образом, понтификальная коллегия проводила предварительное расследование (*quaesitio*)⁶⁶ до вынесения вопроса на калатные комиции (*rogatio*). Ввиду отсутствия сведений можно лишь предполагать, что понтифики играли консультационную роль и при утверждении завещаний, которые в Риме относились к сфере публичного права, в том случае, когда это происходило на калатных комициях (*Gell. XV.27.3*). Впрочем, практическое значение данной функции со временем отпало, ибо такой тип завещаний постепенно вышел из употребления (*Gai. II.101–103*). Связь между контролем за переходом из рода в род и контролем за завещаниями вполне логична и понятна, ибо их цель была одна — обеспечить сохранение родовых священнодействий, что являлось прямой обязанностью понтификов (*Cic. Dom. 37*).

⁶¹ Общая формулировка: *Gell. XV.27.1, 3*; частные случаи: *Cic. Dom. 39* (ср. 34–40), 77; *Prov. cons. 45*; *Ad Att. II.7.2*; *Tac. Hist. I.15*; *Gai. II.101*; *Ulp. Fr. XX.2*; *Inst. II.10.1*; *Gell. V.19.6*; *App. BC. III.94*; *Dio Cass. XXXVII.51.1–2*; XXXIX.11.2; XLV.5.3; XLVI.47.4–5; ср.: *Varro. LL. VI.27*; *Macr. Sat. I.15.9–11*; *Serv. Ad Aen. VIII.654*.

⁶² О роли верховного понтифика на этих комициях и о дискуссии в историографии по поводу его возможных магистратских полномочий см.: *Сморчков А.М.* Указ. соч. С. 267–271.

⁶³ *Cic. Dom. 34* (ср. 36): «*quae deinde causa cuique sit adoptionis, quae ratio generum ac dignitatis, quae sacrorum, quaeri a pontificum collegio solet*».

⁶⁴ *Cic. Dom. 34, 35*; *Gell. XV.27.3*; ср.: *Cic. Or. 144*; *Har. Resp. 57*. Этому вопросу известный юрист и друг Цицерона Сервий Сульпиций Руф посвятил специальное сочинение «*De sacris detestandis*» (*Gell. VII.12.1*).

⁶⁵ *Gell. V.19.6*. Авл Геллий подчеркивает необходимость расследования как характерную черту *аррогации*: «*adrogationes non temere nec inexplorate committuntur*» (*Ibid. 5*).

⁶⁶ *Bleicken J.* Oberpontifex und Pontifikalkollegium. Eine Studie zur römischen Sacralverfassung // *Hermes*. 1957. Bd. 85. Heft 3. S. 354–355; ср.: *Marquardt J.* *Op. cit.* S. 293 (*causae cognitio*).

Одной из задач понтификов было ведение календаря, связанное, в частности, со сроками священнодействий. Это имело особое значение в Древнем Риме, поскольку дни здесь разделялись на несколько категорий со своими особенностями не только сакрального, но и политического характера: например, не во всякий день можно было проводить народное собрание или вершить суд. Учет этих особенностей, преимущественно праздничных дней, вели понтифики⁶⁷. Уже упоминавшийся Гн. Флавий помимо исковых формул обнародовал и список присутственных дней (*dies fasti*), также хранившийся в коллегии понтификов⁶⁸. Поэтому именно они выступили в роли консультантов по календарному вопросу в 389 г. до н.э., когда сенат после изгнания галлов обсуждал причины поражений римского войска. В ответ на запрос сената коллегия понтификов постановила объявить те дни (а именно после ид, календ и нон), когда были совершены неугодные богам священнодействия, обусловившие эти поражения, злосчастными (*dies atri sive vitiosi*)⁶⁹, т.е. запретными для религиозных и политических актов. В данном случае коллегия понтификов приняла общезначимое решение, но инициатива принадлежала сенату, и он же утвердил декрет понтификов (*Liv.* VI.1.11–12). К консультационной деятельности можно отнести и ежемесячный ритуал (*sacra ponalia*), проводимый в ноны царем священнодействий (он также входил в коллегия понтификов): после совершения обрядов этот жрец объявлял собравшемуся на Капитолии народу, какие религиозные праздники предстоят в данном месяце и что следует на них делать⁷⁰.

Помощь понтификов требовалась и при обетах богам за помощь в тех или иных затруднительных обстоятельствах, за процветание общины. Возможно, обеты, принимаемые магистратами в Риме, особенно в начале административного года, фиксировались понтификами в своих архивах. Понтифики выступали в качестве консультантов, если возникали какие-то вопросы при принятии или выполнении обета. Именно в таком качестве они действовали при особо масштабном обете «священной весны» в 217 г. до н.э.: тогда после обращения претора (по распоряжению сената)

⁶⁷ *Cic.* Leg. II.20, 29; *Liv.* I.20.5; *Serv.* Ad Georg. I.270; *Varro.* LL. VI.26, 27; *Macr.* Sat. I.15.9–12 (ср. 16.6).

⁶⁸ *Liv.* IX.46.5; *Cic.* Pro Mur. 25; Ad Att. VI.1.8; *Val. Max.* II.5.2; *Plin.* NH. XXXIII.17; *Macr.* Sat. I.15.9.

⁶⁹ *Gell.* V.17.1–2 (со ссылкой на словарь Веррия Флакка); *Macr.* Sat. I.16.21–24 (со ссылкой на анналистов Геллия и Кассия Гемину); *Fest.* P. 187L; см. также: *Liv.* VI.1.11–12; *Varro.* LL. VI.29; *Cic.* Ad Att. IX.5.2 = *Cic.* ap. *Gell.* IV.9.6 (ср. 4–5, 10); *Ovid.* Fast. I.57–61; *Fest.* P. 348L.24–27; *Plut.* QR. 25.

⁷⁰ *Varro.* LL. VI.13, 28; *Serv.* Ad Aen. VIII.654; *Macr.* Sat. I.15.12.

они дали рекомендацию вынести столь серьезный вопрос на утверждение народного собрания⁷¹. И по их декрету, содержащему, по всей видимости, необходимые мероприятия, этот обет был исполнен в 195 г. до н.э. (*Liv.* XXXIII.44.1–3). На следующий год опять же верховный понтифик обратил внимание на недолжное (*non recte*) исполнение ритуала, о чем доложил сначала коллегии, а затем сенату, который постановил повторить обряд «священной весны» (*Ibid.* XXXIV.44.1–3). В 200 г. до н.э. верховный понтифик потребовал точно указать в обете количество денег, которые следовало потратить на обещанные Юпитеру дары и игры в случае победы над Македонией, и заранее их отложить, как уже посвященные богу. Конфликт был урегулирован обращением консула, явно по поручению сената, в коллегию понтификов, которая позволила не назначать сумму заранее (*Liv.* XXXI.9.6–10). С подобным запросом по поводу расходов на обетованные магистратом Великие игры в честь Юпитера сенат обратился в коллегию понтификов и в 187 г. до н.э., а те оставили решение на усмотрение самого сената (*Ibid.* XXXIX.5.7–10). Дважды в рассказе Ливия обращались к понтификам по поводу обета Аполлону, данного Камиллом перед взятием Вей (396 г. до н.э.), причем во втором случае, наиболее спорном, коллегия обсуждала вопрос, предварительно заслушав самого автора обета⁷². Оба раза решения понтификов, затрагивавшие интересы всех граждан, были приняты к исполнению сенатом.

При всей важности консультаций понтификов они, по всей видимости, не следили за выполнением обетов, которые могли долго не исполняться: так, только в 294 г. до н.э., после второго обета, был построен храм Юпитера Статора (*Liv.* X.37.15–16; ср. 36.11), обещанный еще Ромулом⁷³. Историчность первого обета в данном случае неважна — главное, о нем помнили, и помнил именно сенат, повелевший построить этот храм из богобоязни, поскольку государство вторично было связано одним и тем же обетом. Никаких сведений, что понтифики или какие-либо жрецы (например, фламин Юпитера) указали на нарушение интересов бога, нет. И в 217 г. до н.э., вероятно, у сената (о его решениях шла речь в соответствующей главе сочинения Ливия) возникло религиозное опасение из-за того, что уже два года не выполнялся обет постройки храма Согласия (*Ibid.* XXII.33.7–8). О понтификах и здесь нет упоминания, причем не волновало их и то, что М. Клавдий Марцелл также еще не выполнил свой

⁷¹ *Liv.* XXII.9.10–11; 10.1–6.

⁷² *Liv.* V.23.8–11; 25.4–7; ср.: *Plut.* Camil. 7.

⁷³ Об обете Ромула см.: *Liv.* I.12.6; X.37.15; *Dionys.* II.50.3; *Tac.* Ann. XV.41; *De vir. ill.* II.8; ср.: *Cic.* Cat. I.33; *Ovid.* Fast. VI.793–794; *Plut.* Rom. 18; *Flor.* I.1.13.

обет построить храмы Доблести и Чести, данный раньше — в 222 г. до н.э. (о нем речь пойдет ниже).

При посвящении (дедикации) богам храмов и другого имущества за консультациями обращались к понтификам. Известны четыре случая, когда коллегия понтификов воспрепятствовала дедикации или отменила уже проведенную. В 123 г. до н.э. весталка Лициния посвятила небольшой храм с алтарем и ложем (*Cic. Dom.* 136–137). Однако правомерность ее посвящения вызвала у сената сомнения. Поэтому он поручил претору сделать запрос в коллегия понтификов. Жрецы в своем ответе отвергли эту дедикацию, причем по юридическим, а не религиозным причинам: «Не считается священным то, что Лициния, дочь Гая, посвятила в общественном месте без приказа народа»⁷⁴. Она нарушила Папириев закон, принятый в первой половине II в. до н.э. (точная дата неизвестна). На основе суждения понтификов сенат приказал претору отменить результаты этой дедикации и удалить алтарь (*Ibid.* 137). Как видим, сама жреческая коллегия никакой инициативы не проявила, приняв решение лишь после обращения сената.

В 154 г. до н.э. цензор Гай Кассий обратился к понтификам по поводу задуманной им дедикации статуи Конкордии (Согласия) в курии и самой курии этому божеству (*Cic. Dom.* 130–132, 136, 137). Посвящение статуи так же подпадало под действие Папириева закона, как и посвящение храма (*Ibid.* 136), о чем ему было указано в ответе коллегии. И здесь мы видим лишь обращение за мнением и советом к авторитетным лицам — специалистам в соответствующей области сакрального права, а не инициативу и контроль с их стороны.

Пожалуй, самый известный и наиболее полно отраженный в источниках случай обращения в коллегия понтификов связан с дедикацией в 58 г. до н.э. плебейским трибуном Клодием портика богине Свободы на месте снесенного дома Цицерона (*Cic. Dom.* 132). Терминология, употребленная Цицероном, явно свидетельствует о консультационной функции понтификов: им «докладывали» (*referre*⁷⁵, *deferre*), с ними «совещались» (*communicare*)⁷⁶, у них «спрашивали» (*quaerere*). В другой своей речи по этому же вопросу («Об ответе гаруспиков») Цицерон использует схожие слова — «*interpretatio*», «*explanatio*» (*Cic. Har. Resp.* 13), т.е. понтифики давали «разъяснение». История со снятием освящения с дома Цицерона интересна тем, что здесь мы имеем весьма подробное описание про-

⁷⁴ *Cic. Dom.* 136: «cum P. Scaevola pontifex maximus pro collegio respondit, quod in loco publico Licinia Gai filia iniussu populi dedicasset, sacrum non viderier».

⁷⁵ По всей видимости, это был *terminus technicus*. См. также: *Cic. Dom.* 136; *Har. Resp.* 11; *Ad Att.* I.13.3; *Liv.* XXIX.19.8; 20.10; XXXI.9.8; XXXVIII.44.5; *Macr. Sat.* I.16.24.

⁷⁶ Ср.: *Cic. Dom.* 130; *Liv.* XXXIX.5.9; *Macr. Sat.* I.16.28.

цедуры обращения к жрецам, в данном случае — к понтификам. Сначала было принято решение центуриатных комиций о сохранении прежнего правового положения его дома, затем сенат постановил доложить коллегии понтификов по этому вопросу (Ibid. 11). Хотя почти все понтики были сенаторами, необходимость специального доклада уже фактически информированным жрецам не вызывала сомнений. Они приняли сторону Цицерона, исходя из вышеупомянутого Папириевого закона: «Понтики постановили так: если тот, кто говорит, что он посвятил, не был персонально уполномочен на это дело ни повелением народа (populus), ни решением плебса, а также ни повелением народа, ни решением плебса ему не было приказано сделать это, то, видимо, можно без религиозных опасений возвратить мне эту часть участка...»⁷⁷ Как следует из текста, понтики сняли религиозные опасения⁷⁸ относительно рассматриваемого дела, но окончательного решения по вопросу они не принимали, т.е. выполняли консультационную функцию. На следующий день после декрета понтификов он был сообщен сенату, а тот утвердил окончательное постановление (Ibid. 13). Таким образом, политическая власть стояла как в начале, так и в конце процесса, прибегнув к помощи жрецов для усиления авторитетности и обоснованности своего решения по вопросу, имеющему религиозный характер. Причем действия в качестве сенатора и в качестве понтифика четко различались, даже если оба достоинства соединялись в одном лице⁷⁹. Наглядно это выразил понтифик М. Лукулл в ответе на вопрос, чем понтики руководствовались, принимая решение о доме Цицерона: «Он сам и его коллеги вынесли постановление с точки зрения религии; в сенате же они намерены решать вместе с сенатом с точки зрения закона»⁸⁰.

Сложнее случай с дедикацией храмов Чести (Honos) и Доблести (Virtus), дважды обетованных героем Второй Пунической войны Марком Клавдием Марцеллом⁸¹. В 208 г. до н.э. Марцелл хотел выполнить свой давний обет, заново посвятив после ремонта уже имевшийся у Капенских ворот

⁷⁷ Cic. Ad Att. IV.2.3: «...pontifices decressent ita — si neque populi iussu neque plebis scitu is qui se dedicasse diceret nominatim ei rei praefectus esset, neque populi iussu aut plebis scitu id facere iussus esset, videri posse sine religione eam partem areae mihi restitui...».

⁷⁸ Именно этого (religionem tollere) ждал от понтификов Цицерон двумя неделями ранее (Cic. Ad Att. IV.1.7).

⁷⁹ Ср.: Bleicken J. Oberpontifex und Pontifikalkollegium. Eine Studie zur römischen Sacralverfassung. S. 366.

⁸⁰ Cic. Ad Att. IV.2.4: «se et collegas suos de religione statuisset, in senatu de lege statuturos cum senatu».

⁸¹ Liv. XXV.40.2–3; XXVII.25.7–10; Plut. Marcel. 28; Val. Max. I.1.8; Cic. Verr. II.4.123; ND. II.61.

храм Чести (*Cic.* ND. II.61) двум божествам. Его замыслам воспротивились понтифики, причем по религиозным основаниям: «...неправильно двум божествам посвящать одно помещение: если его поразит молния или в нем случится какое-нибудь знамение, сложно будет это искупить, ибо будет невозможно узнать, какому богу из них совершать священнодействия, ведь не полагается двум божествам, кроме некоторых, приносить одну жертву»⁸². Те же причины приводят Плутарх (*Marcel.* 28) и Валерий Максим (I.1.8). Впрочем, у Плутарха лишь краткое замечание, а Валерий Максим в своем сообщении явно следует Ливию, почти цитируя вышеприведенный отрывок. В итоге Марцеллу пришлось достроить отдельный храм Доблести.

Мы не знаем, что предшествовало этому запрету и, главное, кто проявил инициативу — магистрат или жрецы. *Argumentum ex silentio* весьма ненадежен. Ведь не исключено, что Марцелл сам обратился за консультацией в коллегия понтификов, как поступил упомянутый выше цензор Гай Кассий. Впрочем, указать на ошибку мог и приглашенный для дедикации понтифик, после чего последовало обращение в коллегия для разрешения спорного вопроса⁸³, как это имело место в 200 г. до н.э. при обетовании Великих игр (*Liv.* XXXI.9.6–10). Получив негативный ответ, консул подчинился авторитету специалистов в сакральном праве, но их решение имело скорее моральную, чем юридическую, силу.

При посвящении другого храма Чести (*Honos*) у Коллинских ворот⁸⁴, как сообщает Цицерон, там обнаружили много гробниц, которые были уничтожены, «ибо коллегия [понтификов. — А.С.] постановила, что общественный участок не мог оказаться под частным религиозным запретом»⁸⁵. По всей видимости, и здесь имел место консультационный запрос в коллегия. Точно так же сенат, следуя мнению понтификов, удалил с Марсова поля, т.е. со священной территории, могилу некоего Марка Оппия (эдил 37 г. до н.э.)⁸⁶.

⁸² *Liv.* XXVII.25.8–9: «dedicatio... a pontificibus impediabatur, quod negabant unam cellam duobus diis recte dedicari, quia, si de caelo tacta aut prodigii aliquid in ea factum esset, difficilis procuratio foret, quod utri deo res divina fieret, sciri non posset: neque enim duobus nisi certis deis rite una hostia fieri».

⁸³ Возможны и оба варианта в рамках одной процедуры (*Johnson M.J.* The Pontifical Law of the Roman Republic: Diss. PhD. New Brunswick, 2007. P. 175).

⁸⁴ Точная дата неизвестна, по всей видимости, в III в. до н.э. (*Ziolkowski A.* The Temples of Mid-Republican Rome and Their Historical and Topographical Context. Roma, 1992. P. 57–58).

⁸⁵ *Cic.* Leg. II.58: «statuit enim collegium locum publicum non potuisse privata religione obligari»; ср. D. XLIII.8.2.pr.

⁸⁶ *Dio Cass.* XLVIII.53.6 (ἐν τῷ ἱερῷ χωρίῳ); ср. D. XLIII.6.1.pr. Впрочем, как заметил Дион Кассий, другие погребения на Марсовом поле остались, так что сенатом двигали отнюдь не религиозные причины.

В рассматриваемой сфере консультационной деятельности жрецов участвовали и фециалы, которые имели свое учение, именуемое в источниках «*ius fetiale*»⁸⁷. Однако данных об их консультационной деятельности немного, и, как правило, они касаются разрешения религиозно-политических задач, возникших в результате несоответствия новых условий римского государства архаичной ритуальной практике. А именно при объявлении войны Филиппу V в 200 г. до н.э. консул П. Сульпиций Гальба обратился к фециалам (*consulti fetiales*) с вопросом, следует ли объявить войну непосредственно самому царю или это можно сделать в ближайшей крепости в его царстве. На запрос фециалы постановили (*decreverunt*), что любой вариант правомерен (*Liv. XXXI.8.3; XXXVIII.46.11*). С таким же вопросом при объявлении войны Антиоху III, а также нужно ли отдельно объявлять войну союзникам последнего — этолийцам, в 191 г. до н.э. в коллегию фециалов обратился консул Маний Ацилий Глабрион, следуя постановлению сената. Фециалы сослались на свое решение (*decrevisse*), когда с ними консультировались (*consulerentur*) по поводу войны с Филиппом V, а насчет этолийцев ответили, что те сами разорвали договор о дружбе и сами же объявили войну (*Ibid. XXXVI.3.7–12; XXXVIII.46.11*). Указанная проблема носила именно религиозный характер, поскольку ритуал фециалов призван был обеспечить справедливый и благочестивый (для римлян) характер войны, а тем самым поддержку богов. Но их ритуал возник в незапамятные времена (античная традиция относила его к царскому периоду — от Нумы Помпилия до Анка Марция), когда враги находились в непосредственной близости от Рима. С расширением римской державы его реальное осуществление столкнулось, естественно, с серьезными трудностями. Проблема, как объявить войну заморскому врагу, обозначилась еще во время войны с Пирром. И явно по совету фециалов (о них шла речь в соответствующем пассаже Сервия) в Риме был введен обычай символического объявления войны, а именно одного из захваченных воинов Пирра заставили купить участок земли перед храмом богини войны Беллоны. Этот участок объявили вражеской землей для проведения необходимых обрядов. Позже там была посвящена колонна с той же целью⁸⁸.

Другой пример консультации с фециалами относится к полуполюгендарному рассказу о причинах захвата галлами Рима (390 г. до н.э.). Фециалов в этих событиях упоминает Плутарх⁸⁹: они требовали выдать галлам Кв.

⁸⁷ CIL. Ed. 2. P. 202.XLI; Cic. Off. I.36; Liv. I.32.5; IX.9.3; XXXVIII.46.12; De vir. ill. V.3; Serv. Ad Aen. VII.695; X.14; Arnob. II.67.

⁸⁸ Serv. Ad Aen. IX.52; ср.: Ovid. Fast. VI.205–208; Fest. P. 30L, s. v. Bellona; Dio Cass. L.4.5; LXXII.33.3.

⁸⁹ Plut. Numa. 12; Camil. 18; ср. Varro ap. Nonius. P. 850L.

Фабия Амбуста, нарушившего право народов во время своего посольства в Клузий. Речь, конечно, не идет о деталях и реальности этого рассказа, а о том, как античные авторы (в данном случае — Плутарх) представляли себе механизм деятельности фециалов. В его рассказе не упоминается, сами ли фециалы выступили с требованием искупить кощунство или же в ответ на запрос, но, согласно и ему, и другим авторам, дело рассматривалось в сенате, который затем передал решение на усмотрение народного собрания⁹⁰. По всей видимости, от сената и был сделан запрос в коллегию фециалов, подобно другим случаям обращения к жрецам за советом.

Как можно заметить, во второй сфере консультационной деятельности, как и в первой, инициатива в отношениях между политическими органами власти и жреческими коллегиями принадлежала первым. В источниках нет явных и однозначных указаний на собственную инициативу жрецов с предложением своих знаний для решения сложных религиозно-политических вопросов. Несомненно, во многом это определялось самим характером данной сферы взаимодействия политической и религиозной власти, поскольку именно у политической власти возникала необходимость в жреческих советах. Но все же отсутствие ярко выраженного стремления жрецов указать, например, на допущенные магистратами ошибки отражает принципиальные особенности сакральной сферы в публичной жизни Рима, в частности подчиненное положение жрецов в республиканской религиозно-политической системе.

Сказанное характерно и для третьей области жреческих консультаций, хотя и в меньшей степени в силу ее специфики, а именно при оказании помощи магистратам непосредственно в ходе совершения ими того или иного религиозно-политического акта. Эта обязанность являлась важной частью полномочий понтификов. Ведь в римской религии большое внимание уделялось пунктуальной точности при произнесении текстов⁹¹, ибо малейшая ошибка делала недействительным весь обряд. Поэтому участие жрецов — знатоков сакральных формул — было необходимым, но именно как помощников магистрата, призванных уберечь от ошибок: на неизбежность ошибок при неопытном понтифике указывал Цицерон, критикуя обряд посвящения, совершенный его врагом Клодием (*Cic. Dom.* 141). Участие понтифика в посвящении (дедикации (консекрации)) общественного храма было обязательным, но его роль сводилась в основном к подсказке магистрату необходимых при проведении обряда торжественных сакральных формул (*sollemnia verba, precatio*). Это четко фиксирует-

⁹⁰ *Plut.* Numa. 12; *Camil.* 18; *Liv.* V.36.9–10; *Dionys.* XIII.18–19.

⁹¹ Общая формулировка: *Plin.* NH. XXVIII.11.

ся терминологически, поскольку обычно употребляется глагол «*praeire*» («подсказывать»)⁹². С названной вспомогательной функцией понтификов при дедикации связано другое выражение — «*per pontificem*» («с помощью понтифика»)⁹³.

Разновидностью обряда консекрации (посвящения божеству) является *devotio* — посвящение полководцем себя или какого-нибудь другого воина-гражданина вместе с врагами подземным богам ради победы своего войска (или иное самопожертвование). В известных рассказах о подвиге самопожертвования упоминается понтифик со вспомогательной ролью: он консультировал того, кто посвящал себя, и во время проведения обряда подсказывал ему священные формулы⁹⁴. Сама формула посвящения, по-видимому, не была строгой: по крайней мере в рассказе Ливия П. Деций Мус (сын) к этой формуле, продиктованной ему понтификом, добавил и собственные слова проклятия (*Liv.* X.28.14–17).

В качестве знатоков священных формул понтифики подсказывали их текст магистратам и в случае принятия обета (*pontifice praeunte*)⁹⁵. Значение этой понтификальной функции определялось тем, что важно было четко и однозначно оговорить свои обещания богам в случае «помощи» с их стороны. Здесь нельзя было ошибиться ни в одном слове или допустить возможность двоякого толкования. В известных текстах обетов явно просматривается желание заранее обезопаситься от возможных нарушений сакрального права, оговорив такую возможность⁹⁶. Но все же нет оснований предполагать обязательное участие понтификов в процедуре принятия обета, во всяком случае когда обеты принимались магистратами далеко от Рима. Но даже когда военные действия разворачивались в ближайшей округе Рима, принятие обета обходилось без их помощи. Показательно замечание Ливия о ходе рассмотрения понтификами по поручению сената спора вокруг упоминавшегося выше обета Камилла, принятого перед началом решающего штурма Вей: «...пригласив Камилла, коллегия решила...»⁹⁷. Другими словами, для уточнения сути обета жрецы восполь-

⁹² «*Pontifice praeunte*»: *Liv.* IX.46.6; *Varro.* LL. VI.61; *Cic.* Dom. 133; FIRA. II.1.5.3 = CIL. III.1933.3 (lex arae Iovis Saloniitanae).

⁹³ *Cic.* Dom. 120, 122; Inst. II.1.8; CIL. VI.396.

⁹⁴ *Liv.* V.41.3; VIII.9.4–9 (cp. 10.11–14); X.28.14 (cp. 29.3–4); *De vir. ill.* XXVI.5; XXVII.3; cp. *Zon.* VII.26.

⁹⁵ *Liv.* IV.27.1; XXXI.9.9; XXXVI.2.3; XLII.28.9.

⁹⁶ *Liv.* XXII.10.4–6; XXXVI.2.5.

⁹⁷ *Liv.* V.25.7 (cp. 23.8): «*adhibito Camillo visum collegio*».

зовались консультациями его инициатора, что Ливий никак не комментирует, явно в силу обычного характера такой практики. Следовательно, в принятии этого обета понтифики никакого участия не принимали, хотя в момент произнесения обетных слов они все же могли находиться в лагере Камилла: ведь с разрешения сената перед решающим штурмом Вей там собралось множество римлян для участия в грабеже (*Liv.* V.20.10; 21.1). Так что участие понтификов в такой важной сфере «общения» с богами, как принятие обетов, хотя и было желательным по причинам, изложенным выше, но отнюдь не обязательным, если того требовали обстоятельства и интересы римской общины.

То же самое можно сказать и об авгурах как помощниках при совершении религиозно-политических актов. Поскольку каждому такому акту предшествовали ауспиции, кроме того, ауспикальные процедуры (например, жеребьевка) могли происходить во время самого действия, присутствие авгуров, т.е. специалистов в области ауспиций, было ожидаемым. Это было тем проще обеспечить, что многие политические акты (народные собрания, заседания сената, магистратские действия) проходили в самом Риме или рядом с ним. В частности, имеются упоминания присутствия авгуров на комициях любого рода⁹⁸ — и на куриатных⁹⁹, и на центуриатных¹⁰⁰, и на трибутных¹⁰¹ (в случае проведения последних магистратом с правом на ауспиции). Авгур мог выполнять уже упоминавшуюся для понтификов функцию, а именно он подсказывает (*praeit*) консулу необходимые сакральные тексты (*Varro.* LL. VI.95). Отсюда традиционная формула гласит, что авгуры магистратам *in auspicio sunt*¹⁰², т.е. помогают при проведении гадания. Формула эта применялась не только для авгуров: Цицерон использует ее в отношении тех помощников при ауспициях, которым приказывает (*iusserit*) уже авгур (*Cic.* Leg. III.43). Похожую формулу (*auspicio interesse, adesse*) Ливий употребил по отношению к пуллариям (*Liv.* X.40.4, 11), чье положение вспомогательного (при ауспициях) и подчиненного (магистрату) персонала не вызывает сомнений. Но точно так же Варрон определяет положение авгура по отношению к консулу: «*augur consuli adest*» (*Varro.* LL. VI.95). Видимо, это были технические

⁹⁸ Общая формулировка: *Cic.* Leg. II.31; III.11; *Liv.* I.36.6.

⁹⁹ *Cic.* Ad Att. II.7.2 (сп. 12.1); IV.17.2; VIII.3.3.

¹⁰⁰ *Cic.* Phil. II.80–83; *Varro.* LL. VI.95; Messala ap. *Gell.* XIII.15.4 (здесь речь идет об отказе авгуров участвовать в ауспициях на центуриатных комициях, где противозаконно предполагалось избрать преторов с помощью претора).

¹⁰¹ *Varro.* RR. III.2.1–2 (сп. 7.1).

¹⁰² *Cic.* Rep. II.16; Div. II.71; Ad Att. II.12.1; *Gell.* XIII.15.4.

выражения, и они свидетельствуют о подчинении авгуров магистратам при выяснении воли богов.

Но — что удивительно — несмотря на желательность и доступность авгурской помощи, нет сведений об обязательном авгурском контроле за ауспикальной стороной магистратских действий, хотя авгурские консультации упоминаются. Например, для признания новоизбранных властей легитимными ключевое значение имел вопрос о магистратских ауспациях: и сами выборы совершались при ауспациях, и именно там, по моему мнению, магистраты наделялись правом на них¹⁰³. Поэтому участие авгуров в электоральных комициях было весьма желательным, но они выполняли только консультационную роль по запросу руководителя комиций. В сочинении Варрона «О сельском хозяйстве» (III.2.1–2) рассказывается о встрече героев диалога с авгуром Аппием Клавдием, который во время комиций по выборам эдилов находился в общественном здании (*Villa publica*) на Марсовом поле на тот случай, если что-нибудь понадобится консулу, проводившему выборы. В конечном итоге его помощь потребовалась: он и другие присутствовавшие на этом собрании авгуры были приглашены (*citari*) консулом (*Ibid.* 7.1). Незадолго до приглашения случился скандал в связи с вбросом, — надо полагать, фальшивых — табличек (*tesserae*) в урну для голосования (*Ibid.* 5.18). С этим происшествием, по всей видимости, и был связан вызов авгуров¹⁰⁴.

Отсутствие данных о каком-либо активном участии авгуров в ходе осуществления того или иного государственного акта, возможно, объясняется тем, что основные правила и условия проведения ауспаций были хорошо известны, тем более опытным политическим деятелям. Поэтому к авгурам обращались лишь в спорных и сомнительных ситуациях, как в вышеизложенном рассказе Варрона. Об этом говорит Цицерон, критикуя законы Антония: «Впрочем, эти ауспации не нуждаются в объяснении авгуров: ведь кто не знает, что не дозволено вносить предложения народу, когда гремит Юпитер?» (*Cic. Phil. V.7*). Зная смысл такого знамения, из толпы кричали о нем, пытаясь сорвать утверждение законопроекта

¹⁰³ Сморгков А.М. Указ. соч. С. 39–89.

¹⁰⁴ *Rosenstein N.* Sorting out the Lot in Republican Rome // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116. No. 1. P. 57 (fn. 51) (поскольку урна стояла в священном пространстве *templum*, которое относилось к авгурской компетенции); *Taylor L.R.* Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966. P. 80 (ср. р. 73–74); *Linderski J.* The Augural Law. P. 2193 (fn. 173) («Махинации с *tesserae* могли быть интерпретированы как вмешательство в жребий, ведь в таком случае жребий стал бы средством определения порядка, в котором были бы объявлены сфальсифицированные результаты голосования. В силу религиозного значения жребия консул мог нуждаться в авгурском совете»).

Апулея Сатурнина¹⁰⁵. Да и в целом следует признать значительную открытость авгурского учения в силу широкого распространения практики гадания в Риме, что давало любому человеку хотя бы элементарные сведения из этой области. Конечно, какие-то авгурские знания были тайными, так что некоторые из них даже передавались устным путем во избежание разглашения¹⁰⁶. Но обычная практика была известной, что удачно выразил Цицерон в одной из своих речей, произнесенной еще до того, как он вошел в коллегию авгуров: «Перехожу к авгурам, чьи книги, раз уж некоторые являются тайными, я не пытаюсь рассматривать; я не интересуюсь изучением авгурского права; я знаю то, что выучил вместе с народом, те ответы, что часто давали на народных сходках» (*Cic. Dom.* 39). Тем более такими сведениями для надлежащего исполнения своих обязанностей должен был обладать магистрат. Так что в обычных случаях участие и советы авгуров не требовались.

Возможно, отсутствие сведений об активной роли авгуров, равно как и их участие в определении легитимности уже принятых решений, следует объяснять исходя из авгурского учения. Ведь важной особенностью римской системы гадания являлось стремление узнать, согласен ли Юпитер, чтобы данное мероприятие состоялось в данный день (*Cic. Div.* II.70). В случае негативного ответа гадание повторялось на следующий день, поэтому неблагоприятное знамение на комициях не влекло серьезных последствий: общественный акт и гадание по его поводу переносились на другой подходящий день¹⁰⁷. Другими словами, последствия неблагоприятного знамения были незначительными. А вот в случае, когда нарушение учения об ауспациях обнаруживалось после принятия решения, последствия были серьезными: решение, принятое с нарушением религиозных требований, должно было быть отменено. Соответственно важности последствий растет и значение консультаций авгуров. Видимо, поэтому все известные нам авгурские ответы, признававшие выборы огрешными или законы принятыми вопреки ауспациям, были даны уже после них, спустя некоторое время, пусть даже самое краткое, как в упоминавшемся случае с избранием Марцелла. Но такого рода консультации относятся ко второму направлению жреческой консультационной деятельности, рассмотренному выше.

¹⁰⁵ De vir. ill. LXXIII.7; *App.* BC. I.30; cp.: *Plut.* Cato min. 43.

¹⁰⁶ *Fest.* P. 15L, s. v. arcani; *Cic. Dom.* 39; *Serv. Ad Aen.* I.398 (cp. II.649).

¹⁰⁷ Краткую, но полную и ясную характеристику см.: *Linderski J.* The Augural Law. P. 2295. Подборку источников и анализ см.: *Catalano P.* Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 42–45. К его списку можно добавить свидетельство Диона Кассия (XXXVIII.13.3–5).

Исполняли вспомогательные консультационные функции и жрецы священнодействий: в молениях 436 г. до н.э. они подсказывали (*praeire*) народу священные тексты¹⁰⁸, а в 174 г. до н.э. народ принял обет устроить двухдневное празднество и молебствие в случае прекращения эпидемии, причем священные слова обета подсказывал Кв. Марций Филипп — децемвир священнодействий¹⁰⁹. Исполнение этими жрецами известной по деятельности понтификов и авгуров функции подсказки сакральных формул (см. также *Plin.* NH. XXVIII. 12) свидетельствует, что, помимо оракулов, они имели собственное учение. О комментариях квиндецимвиров упоминает Цензорин (XVII.8—9). Однако нет примеров обращения за консультациями к их учению, как можно было заметить при анализе второго направления консультационной деятельности жрецов. Объясняется это, видимо, тем, что сами оракулы хранились в тайне и подлежали исключительному ведению жрецов священнодействий¹¹⁰. Напротив, учения понтификов и авгуров в той или иной степени являлись доступными и не-жрецам, поскольку было тесно связаны с повседневной общественной и частной жизнью граждан. Более того, сами оракулы, видимо, не сообщались — известной становилась лишь их интерпретация жрецами, определявшаяся потребностями момента¹¹¹. Лишь по решению сената оракулы могли быть обнародованы (*Dio Cass.* XXXIX. 15.4), но понятно, что это было чревато опасными несанкционированными интерпретациями и потому имело место крайне редко.

Ввиду вышесказанного вполне логично предположить, что жрецы-фециалы помогали «светским» послам-легатам осуществлять религиозные ритуалы при совершении важных внешнеполитических актов (объявлении войны, заключении мира или союза). Известно, что перед заключением договора имел место обмен сакральными формулами между фециалом и представителем политической власти¹¹². Отсутствие фециалов при заключении позорного Кавдинского мира являлось для Ливия одним из

¹⁰⁸ *Liv.* IV.21.5: «obsecratio itaque a populo duumviris praeestantibus est facta». Впрочем, возможно и иное понимание этого места: «обсекрация была совершена народом по предписаниям децемвиров», т.е. по сообщенному ими оракулу (ср.: *Ibid.* XLII.2.6—7; XLIII.13.7—8).

¹⁰⁹ *Liv.* XLI.21.10—11 (ср. XL.42.12).

¹¹⁰ *Cic.* Leg. II.30; *Dio Cass.* LIV.17.2; *Lact.* Inst. I.6.13. См. показательную историю: *Dionys.* IV.62.4; *Val. Max.* I.1.13; *Zon.* VII.11; *Tzetzes.* Ad Lycophr. Alex. 1279; *Lact.* Inst. I.6.13.

¹¹¹ Общее наблюдение: *Aug.* CD. III.17; несколько показательных примеров: *Liv.* III.10.7; XXV.12.11—12; XXXVIII.45.3; XLII.2.6—7 (децемвиры только указывают необходимые священнодействия); *Cic.* Div. II.110; *Suet.* Iul. 79.4; *Plut.* Fab. 4; исключения см.: *Wissowa G.* Op. cit. S. 539 (Anm. 1).

¹¹² *Liv.* I.24.4—5 (царь); XXX.43.9 (претор).

ключевых оснований считать его клятвенным поручительством (*sponsio*), а не полноценным договором (*foedus*), обязывающим обе стороны (*Liv.* IX.5.1–5). Однако никаких свидетельств о собственно вспомогательной консультационной деятельности фециалов нет.

Итак, можно выделить три стороны консультационного взаимодействия политической власти и жрецов: при продигиях; в случае запросов сената и магистратов; помощь при совершении магистратами действий, имевших сакральную сторону. Не все они были одинаково представлены в деятельности жреческих коллегий. Три направления в полной мере относятся только к понтификам. Для авгуров основным было второе направление, но и третье играло важную роль. В деятельности жрецов священнодействий явно преобладало первое направление при некотором их участии в третьем. А для фециалов известны примеры лишь из второго направления. Отмеченные предпочтения объясняются в первую очередь спецификой учения каждой жреческой коллегии, определявшей характер и особенности их деятельности.

Обращает на себя внимание, что инициатива при появлении сомнений в сакральной полноценности тех или иных общественных и политических актов, как правило, принадлежала политической власти. Это ставило деятельность жрецов в рамки, отвечавшие интересам сохранения существующей социально-политической системы. Конечно, жрецам не было запрещено обращаться с заявлениями в случае каких-либо религиозных нарушений, но в источниках такая их инициатива встречается редко. Это касается и понтификов¹¹³, и авгуров, и тем более жрецов священнодействий. Впрочем, вопрос остается открытым. В историографии нет единства мнений, например, относительно того, обладали ли авгуры инициативой в определении правомерности действий политической власти¹¹⁴, или имел ли место понтификальный контроль за дедикацией¹¹⁵ и т.п.

¹¹³ См., например, по поводу понтификов аккуратный вывод одного из современных исследователей: «Фактически не существует свидетельств о *decreta*, инициированных самими [понтификами. — А.С.], но я не верю, что коллегия не могла собираться и издавать декреты по собственной инициативе» (*Johnson M.J.* Op. cit. P. 142).

¹¹⁴ За: *Mommsen Th.* Römische Staatsrecht. Bd. 1. 3. Aufl. Leipzig, 1887. S. 115–116; против: *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. 1. 3. Aufl. Berlin, 1876. S. 340 (впрочем, без аргументации и непоследовательно); *Wissowa G.* Augures // RE. Halbbd. 4. Stuttgart, 1896. Sp. 2334; *Linderski J.* The Augural Law. P. 2159–2162; *Сморчков А.М.* Указ. соч. С. 230–264.

¹¹⁵ *Marquardt J.* Op. cit. S. 260–261; *Szemler G.J.* Pontifex // RE. Supplbd. 15. München, 1978. Sp. 359. 18–20, 43–49; *Porte D.* Les donateurs de sacré. Le prêtre à Rome. Paris, 1989. P. 45; *Aberson M.* Temples votifs et butin de guerre dans la Rome republicaine. Genève, 1994. P. 121, 133; двойственная позиция: *Johnson M.J.* Op. cit. P. 179–180; против: *Сморчков А.М.* Два закона о дедикации // Древнее право. Ius antiquum. 2002. № 1 (9). С. 78–80.

Другая особенность взаимодействия политической власти и жреческих коллегий заключается в том, что ничего не известно о каких-либо нормах, обязывавших магистратов или сенат в том или ином случае обращаться к жрецам. Лишь естественное стремление не ошибиться при толковании воли богов или совершении обрядов в их честь заставляло прибегать к помощи специалистов-жрецов. Ведь сомнения в правильном осуществлении религиозных требований порождали сомнения в правомерности соответствующих государственных актов — компетентное же мнение жрецов вселяло уверенность в помощи и поддержке со стороны богов. При этом нередко под религиозными сомнениями скрывались политические противоречия. Но и в таком случае уже сам перевод проблемы из сферы политической в сферу сакральную позволял снизить уровень напряженности внутри гражданского коллектива, укрепить согласие и единение римских граждан. Перед апелляцией к воле богов политические разногласия должны были отступить.

Третьей особенностью консультационной деятельности жрецов является отсутствие у жреческих ответов обязательной силы, тем более что жрецы не имели собственного механизма осуществления принятых решений. Поэтому для проведения их в жизнь они нуждались в соответствующих распоряжениях политической власти. Тем не менее высказанные жрецами мнения были практически обязательны к исполнению. Известный исследователь авгурского учения Дж. Линдерски точно подметил эту специфику римской религиозности в публичной сфере: «Сенаторы не были обязаны следовать мнению авгуров, но в то же время в большинстве случаев для сената и магистратов было крайне сложно проигнорировать *responsa* коллегии, ибо это могло грозить большой опасностью для государства»¹¹⁶. Это наблюдение в полной мере относится и к решениям других жречеств. При реализации жреческих решений действовали не правовые механизмы, а высокий авторитет¹¹⁷ жрецов и значимость религиозного чувства, во многом подогреваемого ситуацией.

Рассмотренная область жреческой деятельности — консультационная — демонстрирует сложные отношения между сакральной и публичной сферами в Римской республике: с одной стороны, античные авторы

¹¹⁶ *Linderski J. The Augural Law. P. 2162. В дрыгой своей работе (The Auspices and the Struggle of the Orders // Staat und Staatlichkeit in der frühen Römischen Republik / W. Eder (Hg.). Stuttgart, 1990. P. 47) тот же исследователь выразился не менее точно: «По совету коллегии [авгуров. — А.С.] сенат мог отменить результаты таких огрешных действий, объявить недействительными законы и предложить магистратам сложить свои полномочия» (курсив везде мой. — А.С.).*

¹¹⁷ Интересное исследование теоретического характера см.: *Santangelo F. Priestly Auctoritas in the Roman Republic // Classical Quarterly. 2013. Vol. 63. No. 2. P. 743—763.*

однозначно и недвусмысленно признают приоритет религии; с другой — реальное функционирование политической системы показывает подчиненную роль жречества, его зависимость от общественно-политических задач. Консультационная деятельность жрецов в полной мере отвечала целям сохранения римской гражданской общины, помогая устанавливать надлежащие отношения с богами (*paх deorum*), другими словами, внушая согражданам уверенность в помощи богов и, соответственно, в успехе своих действий. Этим определялись без какого-либо противоречия и высокий авторитет жречества, его решений, и в то же время приоритет полисных начал.

А.М. SMORČKOV

**LE CONSULTAZIONI DEI SACERDOTI
NELLA SFERA DEL DIRITTO
PUBBLICO DELLA REPUBBLICA
ROMANA**

(RIASSUNTO)

L'Autore esamina il tema delle consultazioni tra potere politico e sacerdoti in Roma repubblicana seguendo tre direttrici principali di indagine: 1) il caso dei prodigi; 2) il caso delle interrogazioni del senato e dei magistrati; 3) le ipotesi in cui i magistrati dovevano compiere azioni che presentassero aspetti di natura sacrale. Tale attività era espletata dai quattro collegii sacerdotali maggiori — auguri, pontefici, collegio *sacris faciundis*, feziali. Solo i pontefici avevano competenza in tutte e tre gli ambiti di applicazione menzionati. L'attività principale degli auguri riguardava le interrogazioni, ma per questo collegio sacerdotale anche il terzo campo d'azione era importante. Nell'attività del collegio *sacris faciundis* prevaleva il primo, ma i sacerdoti di questo collegio erano chiamati a svolgere la loro funzione anche nel terzo. Per i feziali esistono

invece solo testimonianze relative a un'attività espletata nel secondo campo d'azione. Queste preferenze erano dovute alla specificità della dottrina di ciascun collegio sacerdotale che definiva il carattere e la particolarità delle rispettive prerogative.

L'A. analizza una serie di casi riconducibili a ipotesi di interazione tra potere politico e collegii sacerdotali sottolineando prima di tutto che in caso di dubbio sulla compiutezza sacrale degli atti sociali e politici espletati, l'iniziativa sulla necessità di fare una verifica in tal senso, spettava di regola al potere politico. Questa circostanza mette in risalto il dato storico che in età repubblicana l'attività dei sacerdoti doveva essere stata sottoposta a dei limiti in ragione della necessità di salvaguardare un interesse al mantenimento del sistema politico sociale.

Un'altra particolarità consiste nel fatto che non sappiamo nulla delle norme che obbligavano i magistrati o il senato a rivolgersi ai sacerdoti. Sembrerebbe che sia stato soltanto il desiderio naturale di non sbagliare l'interpretazione della volontà divina o l'esecuzione dei riti in onore della divinità a muovere i magistrati laici a interpellare i sacerdoti.

La terza particolarità che viene in evidenza da questa ricerca sulle consultazioni dei sacerdoti è l'assenza del riconoscimento di una forza obbligatoria alle risposte sacerdotali, tanto più che per i sacerdoti non esisteva un regime *ad hoc* sulle modalità di porre in essere le loro decisioni. Perciò il compito della loro applicazione poteva essere assolto soltanto per disposizione del

potere politico. Nella realizzazione delle decisioni sacerdotali si attivava quindi non un meccanismo giuridico, ma venivano in rilievo la grande autorità dei sacerdoti e il valore che i romani riconoscevano al senso del religioso, che molto dipendeva dalla situazione dei singoli casi di specie.

Questo settore (consultivo) dell'attività sacerdotale preso in esame mostra quanto complessi fossero i rapporti tra le sfere del sacro e del pubblico nella repubblica romana. Da un lato, gli autori antichi riconoscono univocamente e chiaramente la priorità della *religio*. Dall'altro, il funzionamento reale del sistema politico mostra il ruolo subalterno dei sacerdoti e la loro dipendenza rispetto a quello politico-istituzionale circa i fini politico-sociali da perseguire.